

Табунщиков Андрей Тихонович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В данной статье показано становление и развитие института компенсации морального вреда в российском гражданском законодательстве, приведены основные факторы, отражающие современное состояние данного института в российском гражданском праве. При помощи данных психологии и психиатрии, делается вывод о том, что категория морального вреда стирает и без того тонкие грани между моралью и правом и не отражает сущности этого правового явления, а потому должна быть заменена понятием "психический вред".

Ключевые слова: вред, деликт, деликтные обязательства, моральный вред, нематериальный вред, немущественный вред, нервный шок, нервное потрясение, обязательства из причинения вреда, психический вред, психиатрический вред.

Институт компенсации морального вреда, имеет свое богатое прошлое, корни которого уходят еще в эпоху римского права, нормы которого, ставя на первый план материальные блага, вместе с тем «зорко следили» за теми случаями, когда римскому гражданину наносилась телесная или душевная рана. Так, Законы XII таблиц выделяли три гипотезы личного оскорбления: *membrum ruptum* (членовредительство), *os fractum* (сломанная кость, тяжелое телесное повреждение) и *iniuria* - любое другое личное оскорбление [13, с. 558].

Прошлое России также не дает основания полагать, будто бы российские частные лица могли домогаться в судах возмещения только лишь одного немущественного вреда. Убийства, увечье, обиды с самых давних пор давали потерпевшему право взыскивать ему в свою пользу денежное вознаграждение за причиненный немущественный вред. Следует отметить, что российское государство еще в самые ранние эпохи своего развития поощряло получение с нарушителя такого вознаграждения, вытесняющего обычай кровной мести.

В одних из первых, дошедших до нашего времени источниках древнерусского права, договорах, которые были заключены с греками князьями Олегом и Игорем, имеется целый ряд норм, регламентирующих выплату материального вознаграждения, за причинение вреда жизни и здоровью потерпевшего. Так, например, ст. 4 договора 911 г. (соответствующая ей ст. 13 договора 945 г.),

устанавливала ответственность за убийство, предусматривая, в случае бегства убийцы, при наличии у последнего имущества, обращение его в пользу родственников убитого. Статья 5 договора 911 г. и ст. 14 договора 945 г. предусматривала денежное взыскание за причинение телесных повреждений. Предписания данных договоров можно по праву считать родоначальниками действующего ныне института компенсации морального вреда.

Целый ряд статей, направленных на защиту чести, достоинства, жизни, здоровья, а также телесной неприкосновенности человека содержала Русская правда. Так, например, в ст.34 Пространной редакции Русской Правды говорилось о том, что в случае кражи коня, оружия или одежды кроме возвращения похищенного виновный был обязан заплатить собственнику ещё и три гривны за обиду [14]. Следует отметить, что Русская Правда признавала оскорбление чести только делом, а не словом, а поэтому правонарушения этого рода по внешнему составу сливались с правонарушениями против здоровья. Различия между теми и другими устанавливались гораздо большей наказуемостью деяний, не соответствующей величине их вреда; например, удар необнаженным мечом или рукоятью, наносил гораздо меньше вреда, чем тяжкая рана мечом; однако за деяние первого рода полагался штраф вчетверо больший (12 гривен), чем за второе. Точно такое же значение имел и высокий штраф за удар батоном, жердью, ладонью, чашей или рогом (орудиями пира) или тупой стороной меча; вырывание бороды и усов как символа мужества [1, с. 194].

Наличие столь высоких штрафов М.Ф. Владимирский-Буданов обосновывает следующим образом: «Если за отнятие пальца взыскивалось 3 гривны, то ничем иным нельзя объяснить штраф в пользу обиженного в 12 гривен за вырывание уса, как понятием психического оскорбления» [2, с. 319].

Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., достаточно точно устанавливало «размер за бесчестье» людям разного звания, городским и сельским жителям, служилым и духовным лицам. Так, например, в зависимости от звания и сана ответственность за оскорбление определялась в размере от 1 до 400 руб. Социальное положение человека влияло и на размер денежной ком-

пенсации за причинение телесных повреждений [15]. Оскорбление женщины признавалось тягчайшим видом преступлений против чести; за оскорбление жены взыскивался штраф вдвое против оклада мужа; за оскорбление дочери-девицы - вчетверо (тогда как за оскорбление несовершеннолетнего сына - только половину) [2, с. 349]. Примечателен тот факт, что в общих чертах эти правила о взыскании денежных сумм за «бесчестье» продолжали действовать вплоть до XVIII века.

Изменения, произошедшие в правовой системе России при ее вступлении в период абсолютизма, послужили предпосылками для выделения качественно нового этапа в развитии института компенсации морального вреда, для которого была характерна весьма интенсивная систематизация нормативного материала, результатом которой послужило издание в начале 30-х годов XIX в. под руководством М.М. Сперанского Полного собрания законов и Свода Законов Российской империи. Возмещение морального (неимущественного) вреда в то время регламентировалось нормами Закона от 21 марта 1851 г [8].

В дореволюционной гражданско-правовой науке длительное время господствовало воззрение, что возмещение нематериального вреда не может входить в задачи гражданского права: этот вред, во-первых, не может быть оценен на деньги, а, во-вторых, если бы даже такая оценка была каким-нибудь образом возможна, она была бы нежелательна, так как она унижала бы те самые духовные блага, которые желают повысить и охранить [12, с. 139].

Исторические события 1917 г. послужили началом советской доктрины развития представлений о компенсации морального вреда. В это время господствовало мнение о недопустимости такого возмещения, в связи с чем гражданское законодательство послереволюционной России не предусматривало понятие морального вреда и возможности его возмещения вплоть до второй половины XX века. Впервые, термин моральный вред нашел свое законодательное закрепление в принятом 27 октября 1960 г. Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, в ст. 53 которого, говорилось: «Потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный

вред» [16]. Однако, в гражданском законодательстве институт возмещения морального вреда так и не получил своего правового закрепления вплоть до начала 90-х гг. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г.[11], в ст. 131 раскрыли содержание понятия «моральный вред», определив его как «физические или нравственные страдания». В настоящее время, нормы института компенсации морального вреда содержатся в части первой [4], второй [5], третьей [6] и четвертой [7] Гражданского Кодекса Российской Федерации.

Характеризуя современный этап в развитии института компенсации морального вреда, следует отметить, что основные его положения являются предметом для постоянных научных дискуссий, что, на наш взгляд, обусловлено следующими факторами: 1) Отсутствием четкой правовой терминологии, отражающей специфику данного института; 2) Разбросанностью законодательных актов о компенсации морального вреда по различным источникам и отраслям; 3) Отсутствием точно сформулированных критериев оценки размера денежной компенсации морального вреда и единой утвержденной на территории Российской Федерации методики для их учета. Закрепленное в ГК РФ понятие моральный вред до сих пор порождает массу дискуссий в отечественной цивилистической науке. Очевидно, что в словосочетании «моральный вред» российский законодатель применяет слово «моральный» как ключевое. Получается, что само понятие «моральный вред» предопределяет, что вред причинен именно «моральным началам» личности, которые являются неотъемлемой стороной духовной жизни личности и означают совокупность представлений об идеале, добре и зле, справедливости и несправедливости. Они действуют через оценку поступков людей, через механизм общественного мнения и регулируются только с помощью норм морали. Отношения же из причинения вреда регулируются с помощью норм права и являются правовыми. Таким образом, такое определение термина «моральный вред» стирает линию между правом и моралью, что вряд ли можно считать удачным. В свою очередь, термин «страдания» предопределяет, что неправомерные действия причинителя вреда обязательно

должны вызвать определенную психическую реакцию. Однако для того чтобы отреагировать на психогенное воздействие, человек должен, прежде всего осознать смысл происходящего события, понять его возможные последствия [10, с. 118]. Такой процесс, в специальной литературе трактуется как нормальное психическое состояние [9, с. 265]. Осознание приходящей извне информации об неправомерном умалении того или иного его блага, препятствует нормальному биологическому функционированию человека и вызывает у него психический дискомфорт. Таким образом, рассматриваемое выше состояние - это психическая реакция человека на совершение в отношении его противоправного деяния. На практике следует говорить о двух аспектах проявления психических реакций на умаление того или иного блага, в виде эмоций и невротических реакций. Без эмоций не может протекать нормальная психическая деятельность, и, соответственно, отсутствие или неадекватность их свидетельствует о болезненном ее изменении. Неспособность человека овладеть процессом, адаптироваться к изменившейся ситуации вызывает более глубокие последствия на психическом уровне, которые проявляются в виде неврозов и невротических реакций [10, с. 127]. А указанные последствия представляют собой расстройство психической деятельности, что само по себе и является психическим вредом, а возникшие в связи с этим страдания от углубления ощущений социальной и физической неполноценности являются лишь следствием причинения психического вреда. Поскольку, моральный вред находит выражение в негативных изменениях психической деятельности человека, в ГК РФ, целесообразно было бы использовать термин «психический вред». В подтверждение данного аргумента можно было бы привести наличие аналогичного института в странах англосаксонской системы права.

Psychological injury (психологический вред) в США представляет собой диагностируемую травму, которая влияет на мышление, эмоциональное состояние и поведение человека [18, Р.117]. Такой вред, напрямую связан со стрессом, который ускоряет психопатологические расстройства. По мнению отдельных исследователей, стрессовые события являются частью повседневной жизни

ни, и только у отдельных групп людей развиваются вызванные стрессом патологии, раскрывающие биологическую основу индивидуальных различий в уязвимости к стрессу или устойчивости и стратегии преодоления [21, Р.44]. Именно стрессы, вызванные нарушением прав потерпевшего считаются в США самым «распространенным психическим расстройством» и представляют собой *psychological injury*.

Компенсация *Psychological injury* в Австралии коренным образом отличается от американского подхода, определяющего право каждого человека на защиту своего душевного спокойствия с последующим правом на восстановление после небрежного причинения эмоционального стресса. Чтобы получить компенсацию в соответствии с Законом о безопасности, реабилитации и компенсации 1988 года (Закон SRC) за травму психики, истцу необходимо обязательно доказать тот факт, что он находится в состоянии, пограничном с психическим заболеванием. Таким образом, австралийский истец который не может утвердительно доказать наличие у него психического расстройства (травмы) не имеет право на такую компенсацию. При этом австралийское право отграничивает психическую травму от психического заболевания, последнее, подпадает под категорию вреда причиненного здоровью [19, Р.19.]. Разграничить психическое расстройство от психического заболевания на практике австралийским судьям помогает Руководство по диагностике и статистике психических расстройств разработанное Американской психиатрической ассоциацией.

К пограничному состоянию не являющемуся психическим заболеванием относят еще и *Nervous Shock* (психическое расстройство, вызванное кратковременным психотравмирующим фактором), который подлежит компенсации в Англии, Канаде и США. Требование о компенсации за нервный шок может быть удовлетворено только в тех случаях, когда он является результатом «внезапного психического расстройства» от свидетельства или участия в конкретном отдельном событии. В случаях кумулятивного длительного воздействия неблагоприятных факторов на психику человека, он утрачивает право на компенсацию нервного шока [17, Р.4].

Если психотравмирующий фактор воздействует на человека на протяжении более длительного периода, то в таком случае осуществляется компенсация «psychiatric injury» [20, P.23]. В англо-саксонском праве такой вид вреда находит свое проявление в виде: психиатрической травмы мешающей человеку выразить свои мысли; негативных воспоминаний человека о произошедшем нарушении его прав, носящих навязчивый характер; наличием разного рода фобий; повышенной возбудимости и пугливости. Примечателен тот факт, что такая компенсация назначается при условии, что потерпевший не имел психических заболеваний, передаваемых по наследству [22, P.10].

Список использованной литературы

1. Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. - М., 1994. - С. 194.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. - Ростов-на-Дону, 1995. - С.349.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права.- Ростов-на-Дону, 1995. - С.319.
4. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть вторая) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - №5. - Ст. 410.
5. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - №32. - Ст. 3301.
6. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть третья) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - №49. - Ст. 4552.
7. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть четвертая) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - №52. - Ст. 5496.
8. Закон от 21 марта 1851 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. Второе. XXVI. Отд. 1. - СПб., 1852. - С. 210 - 224.
9. Краткий психологический словарь. - М., 1985. - С. 265.
10. Лидеман Р.Р. За гранью психического здоровья. - М., 1992. - С. 118.

11. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. - 1991. - № 26. - Ст. 733.
12. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. - М., 1998. - С. 139.
13. Римское частное право. Учебник для Вузов. / Под ред В.С. Нерсесянца. - М., 1996. - С. 558.
14. Русская правда // оссийское законодательство X-XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. - М., 1984. - С. 66.
15. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. Акты Земских Соборов. - М., 1985. - С. 138.
16. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. - 1960. - №40. - Ст.592.
17. Ahmad, Tabrez & Jamil, Haris & Dasgupta, Papiya. (2009). Nervous Shock, Development & Dilemma: A Comparative Study of UK, USA and Canada. Torts & Products Liability Law eJournal. 10.2139/ssrn.1482619.
18. Barton W. Recovering for Psychological Injuries. Washington, 1990. 417s.
19. Gummow and Kirby JJ in Tame v New South Wales; Annetts v Australian Stations Pty Ltd [2002] HCA 35; (2002) 191 ALR 449 (Tame and Annetts) at [192]
20. Mullany, Nicholas J. Tort liability for psychiatric damage. Nicholas J. Mullany and Peter R. Handford. Sydney, 1993. 333 p.
21. T, Resmi & Mathew, Mercy & Joy, gemini V & Silvian, Paul. (2014). Psychological Injuries at Work - What Every Manager Should Know. Journal of Multidisciplinary Research in Healthcare. 1. 43-52. 10.15415/jmrh.2014.11004.
22. Teff, Harvey. Liability for Negligently Inflicted Psychiatric Harm: Justification and Boundaries. In: (1998) 57 CLJ 91.